

Максим Шраер: "Я бы весь свой русский язык отдал дотла"

Максим Д. Шраер

"Да и вообще дело не в языке - я бы весь свой русский язык отдал дотла, чтобы забыть жуткий опыт школьно-дворового биологического антисемитизма моего советского детства. Дай Б-г, чтобы мои дети избежали этих испытаний расовыми предрассудками..." - говорит Максим Д. Шраер - один из самых блестящих русистов "нового" поколения, литературовед, переводчик, писатель, профессор Бостонского колледжа.

Он родился и вырос в московской литературной семье. Отец - Давид Шраер-Петров, писатель, врач, ученый-медик. Мать - Эмилия Шраер (Поляк), филолог-англист, преподаватель, переводчик. Они жили в Москве, они были евреями, они принадлежали к русской культуре...

Их предки были родом из Подолии и Литвы. Отец рассказывал Максиму, каким был его дед, раввин Вульф Брейдо

из династии раввинов-литваков, погибший в Холокосте, потому что не хотел оставить свой дом и священные книги.

"Ни еврейской Подолии моих покойных дедов, ни еврейской Литвы моей покойной бабушки со стороны отца, уже давно не существует. Только не вечная, неверная память..." - интерес Максима Шраера к творчеству еврейских писателей из России и Восточной Европы отчасти биографичен. По его двухтомной "Антологии еврейско-русской литературы: 1801-2001" учатся студенты в десятках американских университетов и за рубежом. Этой антологии Шраер дал подзаголовок "Два века двойного самосознания в поэзии и прозе". Тема двойного самосознания - разорванности между двумя культурами, двумя языками, но и принадлежности к двум цивилизациям и культурам - определила не только особенности творчества Шраеров - и отца, и сына, но и во многом их биографию...

В 1978 году на поэтическом фестивале в Литве Давид Шраер-Петров прочитал свое стихотворение "Моя славянская душа в еврейской упаковке...". Максим, которому тогда было 10 лет, вспоминает, как "весь зал погрузился в молчание, люди плакали, а потом разразились овацией". Таких вольностей власти не прощали.

Вскоре Шраеры подали прошение на выезд - и попали в отказ. Разрешение они получили только через 9 лет - в числе группы "старых" отказников. "Не поворачивается язык говорить банальности - но как не сказать, что родители мечтали меня, тогда еще десятилетнего мальчика, вывезти из антисемитской страны. Как личность я сформировался в преисподней отказа, - говорит Максим. - За два дня до отъезда из России мне исполнилось двадцать лет. А моему отцу, когда мы уезжали, был пятьдесят один год - не самый легкий возраст для эмиграции".

Они приехали в США в конце августа

1987 года. Максим Шраер начал учиться в знаменитом Браунском университете. "Я уехал в конце третьего курса университета, - вспоминает Шраер. - В Америке хотелось только одного: заниматься литературой - теорией и практикой. Выбрал для учебы сравнительное литературоведение и литературный перевод. Очень повезло с профессорами в университете. Среди них был талантливый американский пост-модернист Джон Хокс, теперь уже покойный, который взял меня - тогда совсем новичка в американской культуре - тринадцатым учеником в свой конкурсный семинар по художественной прозе. Правда, сам Хокс во мне несколько разочаровался: он видел меня в амплу писателя-деревенщика - побольше фольклорных мотивов, но непременно в сочетании с эротическими".

После Браунского университета была докторантура в Йельском университете, академическая карьера, переводческая, преподавательская и литературная работа. В 36 лет Максим Д. Шраер стал действительным профессором. Его книги, среди которых исследования о Набокове и Багрицком, рассказы, стихи и литературные воспоминания, выходят по-английски и по-русски. Его печатают серьезные литературные журналы. Он говорит по-английски с женой и по-русски - с родителями и дочерьми. Его старшей дочке Мире три года, и она уже билингва. Младшая, Татьяна, только начинает говорить свои первые слова - на двух языках.

Как удается гармонично существовать в Америке человеку, который осознает себя продуктом русской (советской) культуры и еврейской цивилизации? Иногда это становится темой семейных бесед. Жена Максима - Кэрен Лассер, врач и эпидемиолог, - родилась в семье иммигрантов. Ее отец был родом из Буковины, мать - из Южной Африки.

Больше половины жизни Максим Шра-

ер прожил в США. Оглядываясь назад, он думал о том, что разделяет двадцатилетнего московского студента, писавшего стихи и мечтавшего о дальних странах, и американского профессора из respectable пригорода Бостона, о том, почему его американская жизнь сложилась так, как сложилась. Где пролегла граница между двумя частями его биографии. Ответ он знал давно: это было в Европе, в те три месяца, которые его семья провела в ожидании Америки.

Маршрут Вена - Рим - Ладисполи знаком тысячам эмигрантов "третьей волны", которые, оставив позади прежнюю жизнь, плачущих родственников и могилы предков, уезжали в никуда. От прошлого не оставалось почти ничего, даже паспортов, - только транзитные визы и несколько старомодных чемоданов.

"Лето, которое я провел в Австрии и Италии в 1987 году, вымостило путь к отделению моего русского "я" от моего американского "me". - пишет Шраер.

С рассказа о приключении в Сорренто начала создаваться книга Максима Д. Шраера "Waiting for America: A Story of Emigration". Она вышла на английском языке в 2007 году и была высоко оценена критиками. "Сила этой книги объясняется особенностями стиля Шраера - сложным, замысловатым нео-прустианским текстом... Рассказчик и его рассказы пленяют и завораживают", - комментирует книгу американский литературовед Сэм Коул.

Сейчас книга Максима Д. Шраера переводится на русский язык и готовится к публикации в России.

Maxim Shraer: I Would Give Up My Russian Language Completely A short interview with young Russian-Jewish writer, Maxim Shraer, author of *Waiting for America: A Story of Emigration*. Born in Moscow in 1967, he immigrated to Rhode Island with his parents in 1987. He is a professor of Russian and English and chair of the Department of Slavic and Eastern Languages at Boston College. He will speak at the Jewish Library on April 2nd at 7:30.

Максим Д. Шраер

Изгнание в рай

Отрывок из книги "В ожидании Америки: рассказ об эмиграции",

опубликованной по-английски под названием "Waiting for America: A Story of Emigration", Syracuse, NY, 2007

Мы прилетели в Америку в конце августа 1987 года на борту теперь уже несуществующих Транс-Уорлд Айрлайнз. Самолет был полон иммигрантов - из СССР, из Индии, из Пакистана, из Египта - и мы все аплодировали, когда самолет приземлился на посадочной полосе в Аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке. Перед нами была новая жизнь в Новом Свете. К моменту, когда мне исполнилось сорок летом 2007 года, я уже прожил в Америке полжизни - немалое достижения для того еврейского мальчика из Москвы, которым я был когда-то.

Лето, которое я провел в Австрии и Италии в 1987 году, вымостило путь к отделению моего русского "я" от моего американского "me". Как временной буфер, три месяца, о которых рассказано в этой книге, разделили мою жизнь, отмежевав мое российское (и советское) прошлое от моего амери-

канского настоящего. Однако, этот рассказ об эмиграции не будет завершен, пока я не опишу еще одно приключение, которое произошло почти в самом конце нашего пребывания в Италии. Это было первым и пока единственным разом в жизни, когда я ощутил себя бедняком...

Представьте себе вторую неделю августа в Сорренто. Жара начинала спадать, и потные ладони летнего дня уже не так сдавливали горло и шею. Мы с мамой совершали трехдневный тур по югу Италии. Папа остался в Ладисполи - за неделю до этого он уже побывал в Помпеях и Сорренто в кампании дяди Пини.

В Неаполе, после прогулки по замку Каstell Нуово, где булыжники пахли не тонкой пылью древней Европы, но дешевым красным вином и сардинами, наш гид настоял на посещении собора, в котором хранятся останки

Святого Януария. Имя этого святого покровителя Неаполя заставило меня вспомнить о снеге. Овеваемый благоуханным воздухом, я стоял посреди прохладного sklepa и предавался ностальгическим воспоминаниям. Точно наяву, я видел зимний пейзаж моей бывшей родины, сугробы, замерзшую реку, иней на проводах. Я целовал молодую женщину, лица которой так и не вспомнил, хотя у нее были теплые, смутно знакомые губы. Видения мои вдребезги разбились о каменные плиты собора, когда пожилой сторож дернул меня за рукав:

- Снимите шляпу, мистер, снимите ее. Вы в храме! - и сторож ткнул черным пальцем в мое украшенное синей лентой канотье. Мое недоумение разъярило его еще сильнее.

На ломаном уличном итальянском - смеси первокурсной латыни, инфинитивов и почти совсем неаполитанской

жестикуляции - я попытался объяснить ему, что евреи не обнажают голов в присутствии Всемогущего, а напротив, всегда стараются сохранять их покрытыми, и уж особенно в Храме.

Сторож, судя по всему, различил в моих пространственных объяснениях всего одно слово "синагога", от которого лицо его полиловело.

- Синагога! Тут христианский храм! Снимай шляпу, ты... - сторож запнулся, явно испытывая недостаток слов. - Ты стоишь перед мощами Святого Януария! Снимай или уходи из святилища!

Зря я не снял шляпу. И конечно, неплохо было смеяться над пожилым фанатиком. Но я же думал о снегах моей родной страны.

Следующей остановкой нашего экскурсионного тура были Помпеи.

Я помнил классическое полотно Карла Брюллова "Последний день Помпеи". Я вообразил охваченных ужасом римлян, мужчин и женщин в красных тогах, выбегающих из домов и сметаемых потоками лавы. В том, что я увидел в Помпеях, не было ровным счетом ничего трагического или хотя бы торжественного. Вообразите двадцатилетнего молодого человека, разглядывающего - в обществе своей матери - фрески, на которых мужчины совокупляются с женщинами, с другими мужчинами и с животными! Вообразите карликов с копытами и с гигантскими членами. Представьте сухой жар едва перевалившего за полдень августовского дня в Помпеях! И попытайтесь зримо представить нас, двух беженцев из России, стоящими на окаменелой лаве под сводом лазурного неба, посреди того, что когда-то было Храмом Венеры!

Был у меня тогда рюкзачок - первый и последний. Мне подарила его американка, за которой я приударял в Москве последней моей зимой в России. Этот ярко-синий рюкзачок, теперь болтавшийся у меня за спиной, вмещал мой бумажник, свернутый анорак и записную книжку с именами и адресами всех, кого я знал в этом мире. Старый бумажник из желтой свиной кожи не лез ни в один карман. В бумажнике лежали семьдесят долларов, отложенных на поездку, и два беженских удостоверения личности, мое и мамино. Точно говоря, это даже не были настоящие беженские документы. Нас лишили советского гражданства и заставили сдать паспорта перед отъездом из Москвы. Наши советские выездные визы служили нам удостоверениями личности при въезде в Австрию и Италию. И вот теперь эти подобия транзитных документов исчезли вместе с большей частью адресов моего прошлого, хранившихся в голубом американском рюкзачке.

Я никогда не узнаю, что же на самом деле произошло. Наша группа направлялась к экскурсионному автобусу. Я сказал маме, что пойду поищу фонтанчик с питьевой водой. Нынешние Помпеи выглядят как координатная сетка окаменевшей памяти - узкие улицы, уставленные домами без крыш. Я свернул в ближайшую, и она привела меня к фонтану. Дальнейшее походило на мираж: я помню, как положил рюкзачок на скамью в нескольких метрах от источника, как утолил жажду и подставил голову и плечи под тепловатую воду. Потом я повернулся к широкой скамье из розового гранита, на которой несколько мгновений назад лежал мой рюкзачок, но его там не было. Я стоял один посреди того, что было некогда римским городом наслаждений. Тщетно искал я хоть намека на мой ярко-синий рюкзачок, который был бы столь заметным на блеклых камнях Помпей. Только послеполуденное небо южной Италии и синело над моей головой - густой синевой, растворяющей все и вся вокруг.

Что было делать? По какой бежать улице в этом лабиринте крошачьих стен? Я начинал уже сомневаться, в своем ли я уме. Может быть, я оставил рюкзачок в Амфитеатре? В Доме Трагического Поэта или в Доме Фав-

на? На Форуме? В Храме Юпитера? Пытаясь сориентироваться, я метался взад и вперед. Я старался вспомнить хоть что-то, от чего можно было бы плясать - фреску, фаллический барельеф, мусорный бак - что-нибудь. Теперь все помпейские дома казались мне одинаковыми, все люди с фресок - на одно лицо: козловидные существа с грязными кудрявыми гривами. Но при всей панике, обуявшей меня, я однако же помнил, что опаздываю, что набитый людьми автобус ждет меня на стоянке. И я побежал, что было сил. Бедная моя мама восприняла новость стоически. Но в собратях-беженцах никакие признаки сочувствия не обозначились. Похоже, всю свою способность к сочувствию они оставили за турникетом советского паспортного контроля.

- Хватит уже! - рявкнул мне в лицо учитель фортепьяно из Минска. - Мы же опаздываем в Сорренто. (Как будто в Сорренто можно опоздать.)

- Не видать вам больше вашего рюкзачка, - проурчал дантист из Пинска. - В Америке купите себе новый.

- Теперь мама тебя отшлепает? - поинтересовалась путешествовавшая с глуховатой бабушкой пятилетняя девочка из Двинска.

Я умолил Анатолия Штейнфельда, которого жулик Ниточкин назначил старшим экскурсоводом нашего тура, дать мне немного дополнительно времени.

- Десять минут, - выдавил он сквозь гнилые зубы. Штейнфельд бросил триумфальный взгляд в сторону моей мамы, которая сидела в глубине автобуса, прижимая руки к вискам. Как шакал, жаждущий отведать Жар-Птицу, Штейнфельд все еще на расстоянии желал мою маму, хотя после недавней экскурсии по северу Италии он боялся это выказывать. Теперь он выражал свою похоть к чужой жене через открытую враждебность ко мне, ее сыну.

Я побежал в контору музея, надеясь, что там есть бюро находок. В конторе сидели трое мужчин, смотрители-итальянцы, как вскоре выяснилось, одетые в странное сочетание мундира и выдумки и говорившие по-английски еще хуже, чем я по-итальянски. Первым делом они потребовали у меня удостоверение личности.

- Документов у меня нет. Они лежали в рюкзачке.

- Но прежде, чем начинать розыски пропавшего в Национальном музее, нам нужно проверить ваши документы. Откуда нам знать, может, вы хотите присвоить чужое имущество.

- Да поймите же, документы лежали в моем бумажнике. Бумажник находится, или находился, в синем рюкзачке, а рюкзачок пропал!

- Нам очень жаль, мистер, но в таких обстоятельствах мы ничего предпринять не можем. Попробуйте позвонить сюда попозже, вдруг что-нибудь обнаружится. Однако на вашем месте, - и чиновник улыбнулся улыбкой гробовщика, - я бы обратился к карабинерам. Иностранцы - это по их части.

Покидая Помпеи, мы с мамой чувствовали себя совершенно одинокими среди других беженцев из России. Лишенные транзитных документов, дававших нам право на въездную визу в Америку, мы казались себе ни-

чем иным, как бессмысленными персонажами из прошлого. Положение наше было тем более абсурдно, что нам оставалось еще провести в поездке целых два оплаченных нами дня. Не могли же мы просто выйти из автобуса и вернуться в Рим, где меньше чем за две недели до отлета в Америку нам в конце концов выдали новые транзитные документы.

На этих документах, выданных взамен пропавших, были наши черно-белые фотографии, с клейменым штампом ДИАСа, выжженном в верхнем правом и нижнем левом углах. Новопеченные документы подтверждали тот факт, что фотографии действительно принадлежали мне и моей матери, а также указывали наши даты рождения, имена и фамилии родителей. Эти новые документы были еще менее официальными, чем наши изначальные советские выездные визы, украденные в Помпеях. На этих новых, доморощенных документах, под текстом по-итальянски, удостоверяющем наши личности, каменнолицый чиновник службы иммиграции и натурализации потом проштамповал слова "ПРИНЯТ В КАЧЕСТВЕ БЕЖЕНЦА В СОГЛАСИИ С СЕКЦ. 207 АКТА ИММ. И НАТ. ПРИ ВЫЕЗДЕ ИЗ США ПОНАДОБИТСЯ РАЗРЕШЕНИЕ ИНС НА ВОЗВРАЩЕНИЕ. РАБОТАТЬ РАЗРЕШАЕТСЯ" и наклеял "J.F.K. 8/26/87», а также номер своего нагрудного знака. Иммиграционный чиновник проштамповал наши транзитные бумаги, отобрал у нас выездные американские визы, а также выдал каждому из нас по белой карточке с какими-то номерами и буквами, напечатанными красным цветом.

- Едете в Род Айленд? - спросил иммиграционный чиновник, впуская нас в страну. - Милое местечко. Прекрасные пляжи.

В каком-то тумане мы дошли до ресторана, где старые московские друзья, которые уже давно жили в Нью-Джерси, накормили нас сэндвичами, а потом проводили нас в другой терминал, где мы сели в малюсенький самолет. Это был пропеллерный самолетик из тех, которые уже давно изъехали из национальных американских авиалиний, и на его болтавшихся крыльях мы полетели из Нью-Йорка в карманную столицу самого маленького штата в Америке. С борта самолета я взглянул вниз на город Провиденс, где пройдут мои первые два года в Америке, и где, по судьбоносному совпадению, выросла моя жена. Я взглянул на мой первый американский дом и подумал: "Боже, как Провиденс может быть таким маленьким?"

Но это все произойдет только через две недели после нашей поездки-фиксаско на юг Италии...А пока наш автобус удалялся от Помпей и места, где исчез мой голубой рюкзачок, а перспективы попасть в Америку казались почти нулевыми. В карманах наших завалялось на все про все долларов двадцать, а помочь нам с мамой было решительно некому. Мы уже приближались к Сорренто, и Анатолий Штейнфельд сообщил нам, что в ясные дни с самой оконечности мыса, на котором стоит этот город, можно уви-

деть Капри. Остров Капри как раз и был целью нашей поездки.

Как мне передать ощущения того вечера в Сорренто? Поцарапанный технокolorовый фильм, который я снимал и в котором снимался? Выцветшие краски, притупившиеся ощущения. И только одно острое чувство: тоска. Из этой гавани Сирены-соблазнительницы манили к себе Одиссея. Сорренто был вечным мотивом моего российского детства, и вот я попал на его улицы и площади - парией и нищим. Все годы, пока мы жили за "железным занавесом", я безумно хотел увидеть Сорренто. Меня тянуло туда, тянуло ко всему, что я знал об этом городе. Сколько великих писателей бродило по этим улицам, сидело в этих трактирах! Сколько раз я пытался вообразить Сорренто, глядя из окна моей московской спальни на серые февральские сугробы. О чем они размышляли, посасывая папиросы и потягивая кьянти? Скучали ли по родной земле? Горький - по Волге, так широко разливающейся по весне; Ибсен - по туманной, таинственной Христиании... Я по России не скучал. То есть скучал, конечно, но ясно понимал, что возврата нет и не будет. В Сорренто я ощутил совершенную зыбкость моего бытия, тоску уже не по прошлому, но по будущему, которое теперь казалось мне, лишившемуся денег и документов, попросту невозможным.

На главном променаде витрины магазинов ломались от серебра и бирюзы. Шикарные парочки целовались врасос прямо посреди движущейся толпы. Оркестрики играли "Вернись в Сорренто", а мы с мамой изо всех сил старались не вдумываться в смысл этих слов.

Самодовольный Анатолий Штейнфельд, в новой шляпе и темных очках, проплыл мимо нас. Потом он развернулся и догнал нас с мамой.

- Мадам, не заинтересует ли вас романтический ужин в моей компании? - обратился он к маме.

- Слушайте, Штейнфельд, - мама ответила так быстро и четко, что румянец сыновней гордости ринулся к моим щекам и кончикам ушей. - Во вторых, вы разве не видите, что меня уже пригласили на свидание? - сказала она, опираясь рукой на сгиб моего локтя. - А во-первых, разве в Болонье мой муж вам не сказал держаться от меня подальше? Так вот, он будет встречать автобус в Ладисполи на главной площади. А он дважды никогда не предупреждает.

Мама развернулась на каблучках и потянула меня за собой в поток расписной сорреттинской толпы. Как я любил ее такой сильной, такой решительной!

В конце концов мы купили себе два ломтика самой дешевой, какую сумели найти, пиццы и слонялись от одного открытого кафе к другому, слушая музыку и не решаясь занять столик. В конце концов, мы отыскали кафе, показавшееся нам не таким устрашающим, как остальные, и притулились за угловым столиком, подальше от музыкантов и туристов, восседавших над здоровенными блюдами с салатами и макаронами.

Окончание. на странице 10

В конце концов, официант нас все-таки углядел, и мы потребовали карту, словно бы намереваясь заказать основательный ужин. А когда он подошел снова, я попросил показать нам десертное меню. "Мы передумали. Не голодные", - объяснил я. Мы заказали самую маленькую порцию *gelato*, фисташкового и арбузного, и немного водопроводной воды в придачу. Официант смерил нас взглядом, каким патриций удостаивает нищего попрошайку. Он принес блюдо с двумя крохотными шариками мороженого и одной чайной ложкой, а про воду и вовсе забыл. В жизни не пробовал я мороженого вкуснее того, которое мы с мамой съели тогда в Сорренто, на закате.

Было время, когда до Рая всякий мог добраться пешком. Можно было оставить позади Сорренто со всей его мирской суетой и сутолокой, с тщетой его причудливых толп, с дорогами ресторанами и сотнями лотков, с которых торгуют мороженым. Просто-напросто покинуть эту обитель карманников и уличных музыкантов и перейти узеньким перешейком до самого прекрасного места, какое только есть на всем земном лике. Потом вдруг природная катастрофа заставила скалы, соединявшие Капри с материком, опуститься на дно, и возник остров, на который ныне можно попасть только лишь по воде. Ну и пусть, так или иначе, а до него все-таки можно добраться!

Поутру, неплотно позавтракав, мы погрузились на паромчик, принадлежащий *Navi-gazione Libera del Golfo*. Во времена моего детства совершенный близнец этого паромчика ходил между правым и левым берегами Москва-реки. Такой же престарелый инвалид - облезшая краска, скрипучие двери и пенсионного возраста команда. И вот теперешний итальянский паром медленно приближался к конечному пункту нашего путешествия, а мы с мамой сидели на верхней палубе, мысленно перебирая вчерашние происшествия. И чем ближе подходили мы к Капри, тем легче становилось у нас на душе, и тем незначительнее представлялись нам вчерашние невзгоды.

На осмотр Капри у нас было восемь часов, плюс десять долларов на двоих, а также половина пленки в стареньком фотоаппарате, который мой дед привез из Восточной Пруссии среди прочих трофеев сорок пятого года. Фотографировали мы все больше глазами и эти фотографии все еще свежи в моей памяти. В тот день мы побывали едва ли не всюду. Сначала бурлящая толпа туристов увлекла нас на Пьяцца Умберто I с ее переполненными кафе и магазинчиками, с гудящей в ушах немецкой и английской речью. Мы читали вслух меню - написанные, точно программы концертов, мелом на грифельных досках. Увертюра: *insalata caprese* (сыр, помидоры, базилик). Вступает первая скрипка: кролик, приготовленный с уксусом и розмарином. Лимонные печенья, *limoncelli*, точно трели пикколо.

Остров Капри, как мы вскоре узнали из выставленной для всеобщего

обозрения карты, вмещает два городка, Капри и Анакапри, и несколько маленьких поселений. Мы решили подняться в горы так высоко, как позволяли нам наши ноги - поездка кресельным подъемником из Анакапри на Монте Соларо была нам определено не по карману. Мы прошли городским парком с кустами миндаля и прогуливаемыми парочками ухоженных, светловолосых мужчин. Мама углядела лоток, заставленный сотнями темно-зеленых бутылочек, - это были духи, приготовленные из местных ингредиентов.

- Какие у вас есть запахи? - спросил я длинноногого продавца в платье из мягкой желтой материи.

- Любые, - и ее пальчики подхватили один из флакончиков, открыли и протянули маме, а после мне. Из бутылочки повеяло цветущим миндалем. Потом она взяла другой флакончик, и из него пахнуло прохладой океанского бриза. Итальянка держала цветущий миндаль в правой руке, океанский ветерок в левой и улыбалась нам.

- Мы можем смешать эти ароматы в любимой вами пропорции. Я хотел было спросить, умеют ли они воссоздавать запахи по описанию - свежескошенное сено, аромат женских волос после долгой ванны - но мне не достало слов, ни английских, ни итальянских, чтобы спросить об этом.

Есть на свете места, в которых мечтает побывать всякий русский. Одно из них - Париж, другое - Рио-де-Жанейро, третье - Капри. Посетив их, вы умрете счастливым. Мы с мамой нашли на горной террасе открытое кафе с видом на весь Неаполитанский залив, заказали одну чашку чаю и к нему лимонного печенья. Нам принесли чай в чайничке из нержавеющей стали, и молоко и лимон - на выбор. И никаких сожалений мы, расставаясь с семьей долларами, не испытывали.

- Помнишь Геймана? - глотнув чаю, будто бы невзначай спросила мама.

- Да, прекрасно помню. А что?

- Он всегда мечтал когда-нибудь попасть на Капри. Знал об этом острове все до последней мелочи. Из книг.

Гейман преподавал в Московской консерватории теорию музыки. По рождению он был польским евреем, но избегал всяких упоминаний об этом. Мы знали, что он вырос в Кракове в немецкоязычной семье психиатра. Мы также полагали, что родители Геймана убили нацисты. Музыка и поэзия - вот были те две страны, от которых, единственных, он не отрекся. Он был женат на прежней своей аспирантке, нежной белокурой славянке, с кошачьими глазами, с вечным румянцем на щеках. Их сын, Кеша, был в средних классах моим лучшим другом. У него в детстве была самая добрая, самая искренняя улыбка, которую я когда-либо встречал. В старших классах, уже когда мы немного разошлись, Кеша стал боксером и выиграл несколько крупных соревнований. Его забрали в армию из института; вернулся он уже другим, поврежденным человеком. Через семестр после возвращения он бросил институт и ввязался в какие-то сомнительные дела. Время от времени он появлялся, прося у общих московских

друзей вливания денег для поддержки "выгодного бизнеса" или чтобы расплатиться с долгами - теми, которые уже не выплатил его отец. Потом он исчез с концами.

Сколько я помню Геймана, он всегда трудился над одной и той же книгой - разбором музыкальной карьеры Стравинского. В конце дня, проведенного за преподаванием музыки, он возвращался домой, ронял на пол прихожей потрепанный портфель и прямо в зимнем пальто и кроличьей шапке направлялся к пианино. Он играл около часу - обычно, из фуг Стравинского, порой останавливаясь в середине фразы. Поздним мартовским вечером, за два года до того, как мы уехали из России, жена так и нашла его, мертвого, за инструментом.

- Жаль, что ему так и не довелось увидеть Капри, - после долгого молчания сказала мама. - При жизни, то есть. Интересно, как бы он все это воспринял?

Так мы и сидели, мама и я, за одной чашкой чаю, почти на самой верхушке этого горы-острова. Казалось, весь мир лежит у наших ног. У нас не было ни гроша за душой, никаких документов и удостоверений личности. Мало того - мы, казалось, застряли на пути из одной страны в другую. Жизни наши менялись на глазах, но чувствовали мы себя на редкость спокойно - так, словно сама судьба положила нам на плечи свои невесомые руки.

За соседним столиком завтракала чета американцев. Он, пузатый, в красной бейсбольной кепке. Она - с тройным подбородком, в шаблонных, будто бы цыганских серебряных серьгах с бирюзовыми камушками, скорее всего купленных здесь же, на острове. Разбитной официант принес им две тарелки с трехпалубными сэндвичами, две бутылки "Кока-колы" и два высоких, узких стакана. Гигантских размеров сэндвичи источали манящие ароматы копченостей и горчицы. Молча, сосредоточенно американцы вгрызались в сэндвичи, глотали "Кока-колу".

Им было так хорошо, так уютно в своих обличьях, они и думать не думали ни о каких-то там страхах и запретах, ни о тревоге за будущее. Они казались людьми до неправдоподобия американскими, как будто их окружали прозрачные пузыри, наполненные воздухом их родных штатов - Огайо или Пенсильвании. Беседуя, они называли друг друга "hun" и "luv"*. Разговор состоял из важных замечаний относительно качества итальянской еды: "их" хлеба для сэндвичей, "их" ветчины, "их" индейки. Нам с мамой становилось все труднее придерживаться отвлеченных тем.

- Как ты думаешь, какая она, эта Америка? - спросила мама. Говорили мы, разумеется, по-русски, сэндвичевая чета понять нас не могла. - То есть, какая она на самом деле?

- Думаю, там классно. Это что-то вроде игры, правил которой никто не знает, но при этом все по ним играют. Наверное, жить там легко. Просторно. А ты, мам, как ты ее себе представляешь?

- Трудно сказать. Надеюсь, это страна, в которой ты не обязан ни в чем участвовать, если сам того не хочешь. Роскошные пляжи... Не знаю... Мне кажется, я слишком много мечтала о ней. Пора уже ехать туда.

- По-моему, американки очень сексапильные.

Внизу под нами виднелся опоясывающий Капри песчаный пляж. Узкая полоска его кишела жизнью, переливалась красками и солнечными бликами.

- Мам, давай пообещаем друг другу, что мы когда-нибудь вернемся сюда - ты, папа, и кто знает, вдруг я влюблюсь и женюсь. И мы, вчетвером, будем сидеть вот в этом кафе, смотреть через залив на Сорренто, и закажем такие же сэндвичи, много сэндвичей, и конечно, шампанское. И будем разговаривать о нашей новой жизни в Америке и вспоминать старую - в России. Как тебе это?

- Замечательно. Особенно насчет американской жены. Я ее уже почти представляю.

Легкое облачко пронеслось над нашими головами. Вскрикнула чайка. Порыв ветра сдул со стола салфетку.

- Пора идти, - мама глянула на часы. - На этот раз нас с тобой не станут дожидаться. А платить за паром нам нечем.

- Слушай, мам, а может останемся здесь? Как ты насчет того, чтобы навсегда поселиться в Раю?

- Я, пожалуй, еще не готова. Да и папе здесь не очень понравится.

Мы встали; и я обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на счастливую американскую чету, уже приступившую к кофе с пончиками в сахарной пудре.

Теперь, после двадцати лет в Америке, когда мне случается пасть духом, я вспоминаю, как мы с мамой спускались по серпантину к пристани. Ни с того ни с сего пошел дождь. Мы миновали старуху с розовым осликом, потом двух державшихся за руки мужчин, потом мальчика с удочкой. Мы обменивались взглядами, только взглядами. Никакие слова уже не годились для того, чтобы выразить чувство райской нищеты.

Перевод с английского

Сергея Ильина при участии автора.

Copyright © Sergei B. Ilyin and Maxim D. Shrayer. All rights reserved.

Maxim Shrayer: **Refuge in Paradise**
An Excerpt from the Book *Waiting for America: a Story of Emigration*. (Syracuse, NY, 2007). "A creative product of memory and imagination, *Waiting for America* focuses on the three-month interlude between departure and arrival when his family was in limbo in Europe, waiting for the U.S. refugee visas. Through his misadventures in Vienna, Rome and Ladispoli, the young poet sheds Soviet taboos and embarks on a crash course of sexual and cultural discovery." This excerpt forms the last chapter of the book. The author and his mother are on an excursion to southern Italy. In Sorrento, the young Maxim loses his documents when his backpack is stolen. His family is to leave for America in a few weeks.